

АВТОПОРТРЕТ ВРЕМЕНИ

В этой, уже обещающей стать традиционной, рубрике мы помещаем документы, дополняющие картину гражданского противостояния в Охотско-Камчатском крае в 1918—1922 гг. Данному трагическому периоду отечественной истории уже были посвящены публикации первого выпуска «Вопросов...» и значительная часть содержания настоящего издания.

Открывают рубрику доклады официальных лиц, представлявших «белую» и «красную» стороны: особоуполномоченного Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае Х. П. Бирича и заместителя председателя Камчатского областного народно-революционного комитета М. И. Савченко-Славского.

Особоуполномоченный Временного Приамурского
правительства в Охотско-Камчатском крае.
21 ноября 1922 г. № 219.
г. Петропавловск-на-Камчатке

ДОКЛАД О ЗАНЯТИИ ОХОТСКО-КАМЧАТСКОГО КРАЯ

Господину Председателю Временного Приамурского правительства

Экспедиция в Охотско-Камчатский край вышла из Владивостока в ночь с 24 на 25 сентября с. г. на двух кораблях: гражданское Управление во главе с Особоуполномоченным, часть воинского отряда, главный груз и пассажиры на пароходе «Кишинев» и боевая часть воинского отряда во главе с Войсковым Старшиной Бочкаревым, его штабом и всем вооружением на пароходе «Свирь». По выходе за о. Аскольд поднялся сильный норд-ост, перешедший в шторм, барометр сильно пал, корабли могли продвигаться вперед со скоростью не больше 3 миль в час, и вскоре со «Свири» был дан сигнал следовать за нею в бухту «Врангеля». Здесь оба корабля оставались до утра 26, когда снова вышли в море, но, встретив вновь сильнейший шторм, вынуждены были вернуться в ту же бухту «Врангеля».

К утру 27 шторм стих, и оба корабля снова вышли в море, держа курс вдоль берега. Не доходя миль 60 до залива Св. Ольги, корабли взяли курс на пролив Лаперуза. Не доходя пролива, «Свирь» дала сигнал, что обгонит нас и пойдет вперед прямо в Охотск, а в случае шторма будет ждать нас в одной из бухт Тауйской губы.

4 октября вечером показались очертания Охотских берегов. Корабль бросил якорь милях в 10 от берега. За туманом и темнотою «Свири» не было

видно. Рано утром продвинулись ближе к Охотску и застали здесь «Свирь», которая пришла на сутки раньше. Оказалось, что отряд, находившийся на «Свири», сделал уже 4 октября ночную рекогносцировку в сторону города, переправившись через реку Охоту на кунгасах. Была абсолютная темнота, шел дождь и производившая рекогносцировку часть отряда не могла достигнуть серьезных результатов, блуждая в темноте по незнакомой местности, и произвели лишь переполох в стане красных, которые, по словам Войскового Старшины Бочкарева, продолжали стрельбу еще долгое время после возвращения нашего отряда на свои позиции.

Во время этой рекогносцировки в нашем отряде было двое ранено, убитых не было.

Из расспросов местных жителей выяснилось, что у красных всего около 180 человек, вооруженных разным оружием. По правую (нашу) сторону реки Охоты оказалось до 30 местных жителей Булгинцев, получивших это название от местечка Булгин, в котором они имеют свою базу. Булгинцы во главе со своим Начальником Яныгиным и Сентяповым боролись с большевиками весь летний сезон, выбивали большевиков и из Охотска, но по своей малочисленности не могли удержать его за собой и ограничивались последнее время только тем, что не давали возможности красным переправляться на правый берег реки Охоты и старались не допускать приходящие суда к каким бы то ни было сношениям с большевиками.

Из рассказа Войскового Старшины Бочкарева выяснилось, что наш отряд прибыл и произвел высадку как раз вовремя, чтобы помешать прибывшему в тот же день отряду красных из Якутска соединиться с Охотскими большевиками. Прибыло, по словам Бочкарева, в этот день из Якутска всего около 90 коммунистов на лошадях.

Этот отряд под начальством Вердервского, очевидно, ища переправы на ту сторону реки Охоты, наткнулся неожиданно на 11 человек наших людей из отряда, возившихся около кунгасов, обезоружил их и взял в плен. Несомненно, им пришлось бы плохо, если бы в это время не показались наши цепи рекогносцировочного отряда. По словам самих попавших в плен, увидев наши цепи, красные моментально сели на коней, и все скрылись в том же направлении, откуда пришли, т. е. по дороге на Якутск, не успев даже дать знать о своем приходе Охотским большевикам.

Если бы вновь прибывшим большевикам, отлично вооруженным (винтовками и пулеметами облегченного типа), удалось ликвидировать сначала булгинцев, соединиться с Охотскими большевиками и иметь в своих руках таким образом оба берега реки Охоты, овладеть Охотском нашему отряду было бы чрезвычайно трудно.

Теперь же Войсковой Старшина Бочкарев выражал полную уверенность в том, что в эту же ночь займет Охотск.

Около одного часу дня со стороны Охотска показалась лодка, в которой сидели два американца. За ними был послан катер, и они были доставлены на пароход «Кишинев». Один из американцев, говоривший по-русски, объяснил, что занимающие Охотск большевики просили их съездить на «Кишинев» для переговоров.

Войсковым Старшиной Бочкаревым было им объявлено, что никаких переговоров не может быть, сила на его стороне, и все красноармейцы должны сдать оружие. Только в этом случае они могут рассчитывать на пощаду, в противном случае город будет подвергнут во время атаки бомбардировке, и пострадает много невинных людей. В таком роде им был дан Войсковым Старшиною Бочкаревым письменный ответ, адресованный Начальнику отряда красноармейцев и Председателю Совета города Охотска.

В течение дня была высажена с «Кишинева» еще одна сотня для усиления высаженного со «Свири» отряда. К вечеру «Свирь» встала против города и освещала его прожектором. На «Свири» была взята для поддержки отряда пушка Гачкова (системы Гочкиса. — *Ред.*), принадлежавшая Булгинскому отряду. Ночью на «Кишиневе» слышны были выстрелы со «Свири», из чего можно было заключить, что большевики оружие не сдали. Утром 6 октября над одним из зданий Охотска за церковью был виден большой белый флаг, а в два часа дня на том же месте взвился трехцветный Национальный флаг.

Около 4 часов дня была получена записка от Войскового Старшины Бочкарева, в которой он извещал, что занял Охотск без боя и без потерь. Вечером Войсковой Старшина Бочкарев прибыл на «Кишинев» и рассказал подробности занятия Охотска. Ночью, по его словам, никаких операций не производилось. Утром он переправился на другой берег реки Охоты на двух кунгасах во главе 20 человек и увидел над городом белый флаг, вошел в Охотск, не дожидаясь подкрепления. Красноармейцев в городе уже не было. Они покинули город в количестве от 100 до 120 человек и унесли с собой оружие. Остались только насильственно мобилизованные и перебежчики, которых Войсковой Старшина Бочкарев после должного внушения отпустил по домам. Радость населения была неописуема. Получили, наконец, возможность вернуться в город, к своим семьям, многие, ушедшие от большевиков на ту сторону реки Охоты и не видавшие своих семейств уже месяцев пять. Так, во власти большевиков оставалась семья священника, в то время как сам батюшка вынужден был укрыться под защиту булгинцев на той стороне реки Охоты.

В тот же вечер я с лицами Гражданского Управления высадился на берег и прибыл в Охотск. По моему распоряжению было расклеено обращение мое к населению Охотско-Камчатского края и приказ мой о прибытии моем в Охотск, с предложением всем должностным лицам оставаться на своих местах под угрозой предания военному суду, в случае ухода, неотдачи дел и вверенного по службе имущества...

7-го был созван сход, на котором жители выбрали пока от себя уполномоченного для сношения с новыми властями. Собравшиеся на сход были мною и Н. М. Соколовым информированы о всех событиях, предшествовавших перевороту во Владивостоке и обусловивших его, о переходе власти к Временному Национальному Правительству, о составе Правительства, его ближайших задачах, о Приамурском народном собрании, о Дайренской и Вашингтонской конференциях, о целях экспедиции и чрезвычайной важности в настоящий исторический момент, чтобы хозяином Тихоокеанского побережья было Национальное Русское Правительство. Сделано было сообщение о жизни в Советском «раю» и указаны факты, свидетельствующие о скором конце Советской власти в России и о крушении идей большевиков и коммунистов в мировом масштабе. Все слушали с большим вниманием и не меньшим удивлением. Видимо, местные жители вследствие ложной информации имели совершенно неверное представление о том, что делается в Советской России, и смутно представляли себе события во Владивостоке.

8 и 9-го производилась выгрузка людей отряда и продовольствия ему. В это время снова пришел в Охотск пароход «Взрыватель», который до нашего прихода не был допущен булгинцами к выгрузке людей и груза, ввиду имевшихся сведений о том, что он везет оружие для большевиков и рабочих, намеревающихся влиться в ряды большевиков. О причине задержания «Взрывателя», о реквизиции находящихся на нем грузов по распоряжению Начальника отряда Войскового Старшины Бочкарева мною одновременно предьявляется в особом докладе по жалобе хозяина реквизированного груза.

Так как «Взрыватель», имея осадку всего одиннадцать футов, намерен разгрузиться, пройдя через бар и зайдя в устье реки Охоты, то, по соглашению с командиром парохода «Взрыватель», на последний были перегружены с «Киева» мука и некоторые другие грузы отряда, для более скорой и удобной выгрузки на берег. После тщательного промера бара, «Взрыватель» сделал попытку войти в реку, но ввиду уменьшения высоты прилива в эти дни месяца и сильного берегового ветра, сел носом на мель на 2-м баре, имея под носом 10¹/₂ фут и под кормой 16 фут.

Немедленно же были приняты меры к разгрузке «Взрывателя», чтобы уменьшить его осадку, но благодаря начавшемуся сильному шторму, разгрузку пришлось прекратить.

В это время прибыл на Охотский рейд еще пароход «Тунгуз», принадлежащий Ставракову и зафрахтованный Свенсоном и К-о.

Вследствие начавшегося шторма, оба корабля «Кишинев» и «Свирь» вынуждены были сняться с якоря и уйти отстаиваться в одной из бухт по Охотскому побережью. Не зная, с какими целями пришел «Тунгуз», и опасаясь, что он мог привезти оружие и припасы для большевиков, Начальник отряда приказал ему следовать за собою для осмотра его в одной из ближайших

бухт. 13-го все три корабля отдали якорь в Ейриной бухте. На «Тунгузе» оказалось лишь некоторое количество нарезного оружия, принадлежащего Свенсону. Оружие это г. Свенсон согласился уступить для отряда на договоренных условиях, и «Тунгузу» было разрешено дальнейшее плавание, 13 и 14-го с «Кишинева» перегружался на «Свирь» и «Тунгуз» уголь. «Тунгуз» просил уступить ему 50 тонн угля.

Начальник отряда Войсковой Старшина Бочкарев еще в Охотске заявил мне, что он по стратегическим и некоторым другим соображениям решил изменить первоначальный план экспедиции и вместо образования базы отряда в районе Аян — Охотск находит более целесообразным организовать базу в районе селения «Ола», отстоящем от Охотска около 400 миль к западу.

Для меня такое изменение плана было совершенно неожиданное и непонятное, но, не зная, что такое представляет из себя «Ола», каковы средства сообщения ее с Охотском, и, не имея ни достаточных сведений в военном деле, ни авторитета для того, чтобы убедить Войскового Старшину Бочкарева отказаться от изменения первоначального плана, я до прибытия нашего в Олу должен был ограничиться тем, что выразил Бочкареву свое крайнее удивление и сомнение в правильности принятого им решения.

Не допуская никаких изменений своего решения, Войсковой Старшина Бочкарев заявил мне, что в Охотске он оставляет самостоятельный отряд около 200 человек под командой капитана Грандульса.

Вопреки мнению Бочкарева, считая Охотск в стратегическом и административном отношениях важнейшим пунктом, главенствующим на всем Охотском побережье, я с своей стороны решил оставить в Охотске своего помощника Полковника Покровского, представив ему замещать меня по всем делам Гражданского Управления. Полковник Покровский вместе с Начальником уезда Соболевым благополучно высадился в Охотске и приступили к отправлению своих должностей. Как для размещения отряда, так и для квартир лиц Гражданского Управления в Охотске оказалось достаточно помещения без притеснения местных жителей.

14 Октября «Свирь» с частью отряда отправилась обратно в район Охотска и Иня для участия в ликвидации большевиков в этом районе и для того, чтобы помочь, в случае надобности, «Взрывателю» сняться с мели, а мы на «Кишинева» отправились далее в Олу. По дороге заходили в Агатонский залив против устья реки Яна и в бухту Гертнера. Войсковой Старшина Бочкарев исследовал эти бухты и условия стоянки в них судов. Бухты эти оказались совершенно пустынными. 18-го прибыли в бухту против селения Ола. В Оле большевиков не оказалось, напротив, сюда укрылись несколько семейств, бежавших от большевиков из Якутска и из Охотска. По осмотре бухты и окружающей местности, Войсковой Старшина Бочкарев отказался от создания в Оле, главным образом вследствие того, что Ольская бухта была слишком открытой

и для ветров, и для стоянки судов неудобной. В Ольской церкви священником отряда был отслужен молебен, на который собрались все жители селения.

После молебна Н. М. Соколовым, так же как и в Охотске, были разъяснены собравшимся жителям цели экспедиции и нарисована картина современного политического положения в Советской России и на Дальнем Востоке. В Оле оказались два склада: один Центросоюза и другой бывший казенный, перешедший в ведение Союза Камчатских Кооперативов. Моим приказом для последнего было восстановлено название казенного склада, и склад этот подчинен Уполномоченному Охотского уезда. В Оле для несения административно-полицейских обязанностей назначен пристав, в район которого входит все побережье от Тауйска до Ямска и в глубь на 150 верст, с подчинением его Уполномоченному Охотского уезда. В помощь приставу оставлено несколько солдат отряда. Название полицейского пристава применено мною по просьбе населения, как более знакомого ему и понятного. Для руководства приставам в их деятельности Н. М. Соколовым оставлена особая инструкция, мною утвержденная. Ольское население выражало искреннюю радость по поводу прибытия, обеспечивающего им жизнь и устранение опасности со стороны Охотских большевиков.

Во время пребывания нашего в Оле получено по радио известие из Охотска, что «Взрыватель» снялся с мели, а «Свирь» по выполнении возложенных на нее задач выходит в Олу.

21-го числа «Кишинев» вышел в Тауйск и стал против устья реки Яна. В Тауйске большевиков также не оказалось.

Заведывание Тауйским казенным складом поручено местному священнику. 22-го посетили бухту Арман и 23-го вернулись в Олу, где застали возвратившуюся из Охотска «Свирь». Прибывший на «Свири» Генерал Поляков доложил, что вся местность от Охотска до Иня очищена от большевиков. Несколько большевиков было захвачено в плен и привезено на «Свири».

Более опасные и активные, на которых указывали Сентяпов и булгинцы — Ведерников и Бедрищев, были переданы 23 Октября военно-полевому суду, образованному на «Свири» при участии представителя от Гражданского Управления. По недостатку улик оба подсудимые были судом оправданы. 24 Октября «Свирь» с частью отряда в количестве 100 человек под командой Генерала Полякова была отправлена вперед для занятия Петропавловска. Ввиду Портсмутского договора, запрещающего нам содержать войска на Камчатке, пришлось отправляемый отряд назвать Петропавловской жандармской командой. Генерала Полякова я до моего прибытия уполномочил особым предписанием меня замещать и действовать от моего имени.

В Оле с Н. М. Соколовым вновь убеждали Войскового Старшину Бочкарева отказаться от мысли создать базу на Охотском побережье, ввиду отрезанности всех этих пустынных мест от главной части отряда в Охотске и от

населенных пунктов Камчатки, но Войсковой Старшина Бочкарев остался при своем мнении и категорически заявил нам, что он устроит базу отряда и сам останется в Наяхане, верстах в 80 от Гижиги, куда мы и отправимся. Выйдя из Олы, мы 26 Октября бросили якорь в бухте Наяхан, где и простояли до 6 Ноября.

В Наяхане на берегу оказалась только радиотелеграфная станция и несколько построек при ней для размещения ея служащих. Небольшое селение дворов в 8 оказалось верстах в 8 от станции. Войсковой Старшина Бочкарев, осмотрев бухту, станцию и побережье, нашел это место пригодным для устройства здесь своей базы и приступил к выгрузке своих запасов.

Одновременно делались промеры лагуны и бара, в предположении, что удастся завести в лагуны пароход «Взрыватель», который Войсковой Старшина Бочкарев имел намерение оставить на зимовку при себе в бухте Наяхана. Несмотря на благоприятные, казалось бы, результаты промеров, «Взрыватель» ввести в лагуну не удалось даже при самой большой высоте прилива, и Бочкарев вынужден был отказаться от мысли оставить при себе на зиму «Взрыватель». Между тем начались уже сильные холода (до 15° ниже нуля по Р[еомюру]) при сильнейших северных ветрах. Все побережье покрылось также льдом, затруднявшим выгрузку.

Все три взятые нами с собою кунгаса были при попытках начать выгрузку разбиты и затоплены. Рабочие-китайцы, участвовавшие в выгрузке, отморозили себе ноги и отказались от работы. Катера во льду также с трудом работали и беспрестанно портились. К счастью, с 2 Ноября ветер стал утихать, стало значительно теплее, и можно было приступить к выгрузке катерами, при помощи небольших лодок. С величайшим трудом вечером 6 Ноября, работая днем и ночью, Войсковому Старшине Бочкареву удалось выгрузить все, что он находил нужным, и он остался зимовать с отрядом в 40 человек, а «Кишинев» и «Взрыватель» отправились в Петропавловск.

Во время пребывания нашего в Наяхане, 29 Октября было получено радиодонесение от Генерала Полякова о том, что Петропавловск занят без боя. 11 Ноября вечером «Кишинев» бросил якорь на внешнем рейде Петропавловской бухты. Прибывший на корабль на лодке Генерал Поляков доложил подробности занятия Петропавловска.

«Свирь» подошла к Петропавловской бухте 28 Октября. Необходимо было в первую очередь занять маяк. Для этого вызвалось шесть добровольцев, которые высадились на шлюпке, заняли маяк и пошли далее по берегу, равняясь со «Свирью» и освещая местность до Соловарки.

При переходе по бухте (по внешнему рейду) со «Свири» была замечена лодка, переплывавшая бухту.

Так как лодка ни на какие сигналы со «Свири» не обращала внимания, то по направлению к ней были произведены три выстрела, и подплыла к «Сви-

ри». На лодке оказалось четыре охотника, выехавшие на охоту на ту сторону бухты. Двое эти охотников оставлены были Генералом Поляковым в качестве заложников, а двое других были отправлены в город для передачи требования большевикам сложить оружие и сдать город. На другое утро на «Свирь» явилась депутация от города во главе с Городским Головой с приветствием и с сообщением о том, что большевики оставили город, узнав о приближении «Свири», еще в 3 часа дня 28-го, все же оставшееся население не только не окажет никакого сопротивления отряду, а, напротив, встретит отряд, как избавителей от захватчиков власти.

По высадке на берег, отрядом без всяких затруднений были заняты оставленные большевиками и пустующие казенные здания. Свободных казенных зданий оказалось достаточно для размещения отряда, гражданского Управления и для квартир офицеров и чиновников. Все здания в порядке и требуют лишь небольшого ремонта.

На другой день утром «Кишинев» вошел на внутренний рейд и пришвартовался к берегу. Вскоре прибыл на пароход Городской Голова, некоторые представители населения и представители фирм. Все приветствовали меня и выражали радость и благодарность Приамурскому Правительству за спасение от большевиков и за восстановление в крае нормальных, спокойных условий жизни. Для того чтобы немедленно же осведомить население о задачах экспедиции, я просил Городского Голову пригласить всех желающих выслушать нашу информацию в Народный дом на следующий день. Вопрос об информации населения сильно осложнился тем, что большевики, уходя из города, испортили единственную Типографию Областного Правления в городе.

В тот же день у меня были с визитом на «Кишиневе» Китайский консул Сун-ин-тун, являлись с приветствием два офицера от Командира находящегося здесь японского стационара «Канто». На другой день в воскресенье 13 ноября мною вместе с Н. М. Соколовским были сделаны визиты представителям Городского Самоуправления, Японскому и Китайскому консулам и Командиру японского корабля «Канто».

У всех встретили чрезвычайно радушный прием и обменялись взаимными приветствиями и пожеланиями.

В 3 часа дня в здании Народного Дома я передал собравшимся жителям г. Петропавловска и ближайших селений приветствие от Приамурского Правительства, поздравил с благополучным и бескровным избавлением от власти большевиков и выразил уверенность, что Камчатские старожилы, помня подвиги и заветы предков, окажут должную поддержку Национальному Приамурскому правительству в его героической борьбе за сохранение в целости единственного уцелевшего от общего разрушения и грабежа Дальневосточного угла нашей родины. После меня приветствовал собрание от имени Правительства Н. М. Соколов, как представитель Правительства и ближайший его

сотрудник за время борьбы с большевиками. Н. М. Соколов описал затем современное состояние Советской России, сделал обзор деятельности социалистов на Дальнем Востоке после власти Адмирала Колчака и Атамана Семенова и изложил ход событий, предшествовавших революции во Владивостоке и вызвавших переворот 26 Мая. После этого им было доложено Собранию о личном составе Приамурского Правительства, о его ближайших задачах, о Приамурском Народном Собрании, о будущем Учредительном съезде, о Дайренской и Вашингтонской конференциях и о важности переживаемого исторического момента и укрепления на всем нашем Дальневосточном побережье русской национальной власти.

Последним говорил М. А. Баранов, сделавший более подробное описание событий, предшествующих перевороту 26 Мая, давший обзор исторической работы несоциалистических организаций и несоциалистического съезда, и нарисовал яркую картину самого революционного дня 26 Мая. Все слушали ораторов с напряженным вниманием. Не смотря на полное отсутствие какой бы то ни было полиции и наряда войск, порядок на Собрании самими участниками его поддерживался образцовый, ни шума, ни возгласов, не смотря на то, что в здании было до 500 человек самой разнообразной публики. Высказав еще раз пожелание собравшимся совместной дружной работы, я после речи М. А. Баранова закрыл собрание.

При ближайшем ознакомлении затем с Петропавловскими Правительственными учреждениями, с Городским Самоуправлением и личным составом служащих казенных и общественных учреждений и с работой этих учреждений за последнее время, мы могли констатировать, что влияние большевиков за время их властвования в Петропавловске было поверхностное и весьма осторожное. Каких-либо произвольных захватов частной собственности на Камчатке, например, не было вовсе. Это объясняется, отчасти, может быть, тем, что на Камчатке большевики нашли достаточно казенного имущества в казенных складах и Центросоюзе. Для использования казенных складов был учрежден Союз Камчатских кооперативов, взявший в свое ведение казенные склады, сделавший пока из этой операции источник дохода и кормления коммунистических агентов. Этот Союз мною ликвидируется, его склады и имущество возвращаются в ведение казны и подчиняются одному из отделов Областного Управления. Часть имущества Центросоюза, особенно ценную пушнину, полученное в обмен на товары, большевики успели вывезти через своих агентов.

Распоряжение делами и имуществом Центросоюза в Охотско-Камчатском крае принял на себя по доверенности члена Правительственной комиссии М. А. Баранова и Н. М. Соколова.

Этим я и закончу обзор операции по занятию находящимся в моем распоряжении экспедиционным отрядом Охотско-Камчатского края.

О финансово-экономических мероприятиях, которые желательно осуществить в первую очередь, мною одновременно делаются представления Правительству в особенных докладах.

Подлин. подпис.

Особоуполномоченный *Х. П. Бирич*

С подлинным верно: Заведывающий Канцелярией *Стецюк*.

ЦДНИКО, ф. 1199, оп. 1, д. 653, л. 195—199.

Уполномоченному представителю Р.С.Ф.С.Р в Китае
Адольфу Абрамовичу Иоффе.
Заместителя председателя Камчатского Областного
Народно-Революционного комитета
Михаила Савченко (Славского)

КРАТКИЙ ДОКЛАД О ПОЛОЖЕНИИ НА КАМЧАТКЕ

Положение перед высадкой десантов Меркулова. Прежде всего необходимо указать на тот печальный и странный факт, что за годы революции должно внимание к Камчатке было проявлено только белыми. В период Колчаковщины они послали в область войска, целые кадры чиновников, административных и политических работников, которые не только восстановили, но и во многом усовершенствовали старый царский аппарат и с его помощью успешно насаждали и поддерживали среди коренного населения дух монархизма. За тот же период в область влилось не менее тысячи мелких спекулянтов, офицеров бывшей царской армии и всякого рода любителей легкой наживы, которые, рассосавшись по самым далеким и глухим углам области, одновременно с обиранием и спаиванием населения проповедовали о преимуществах старого строя. После свержения Колчака, Центральная Революционная власть не позаботилась о том, чтобы разрушить это гнездо, даже не был послан ответственный работник для ознакомления с положением области. Во всем положились на информацию местной власти. А местная власть того времени, опутанная сетями провокаторов и авантюристов вроде Бабкина-Байкалова-Саянского и Гапоновича, усиленно шумела о своей революционности. Центр не подозревал, что за пустословием Камчатских революционеров скрывалась слабость, безсилие и неспособность к творческой работе. В результате контр-революционное гнездо не было тронут. До поры, до времени кто перекарасился, а кто притаился. До моего приезда на Камчатку во главе партии организации Р.К.П. численностью около 100 человек стоял провокатор Бабкин-Байкалов. Большого урона и подрыва имени партии быть не могло. После роспуска этого сброда хулиганов и уголовщины и произведенной перерегистрации в Петропавловске в организации числились 12 че-

людей, из которых способных к работе было только двое. Посланный в 1920 году Приморским Земским Правительством Уполномоченный на Камчатку Н. Е. Кочергин, благодаря провакационным приемам тех же Бабкина-Байкалова и Гапановича, Областным Комитетом не был признан, завязалась ненужная нелепая борьба, в конце подорвавшая авторитет Областного Комитета и ослабившая его способность к борьбе с приближавшимся нашествием белых. При первом же дыхании контр-революции в Приморье, ожило и зашевелилось Камчатское гнездо. Клевета против Совроссии, травля и ненависть против коммунистов достигли чудовищных пределов. К моменту прибытия Меркуловских банд, создалось такое положение, что Областной Комитет и его сторонники, всего 25 человек, вынуждены были оставить город, не оказав вооруженного сопротивления.

Подготовительная работа к вооруженному выступлению. После отступления на Восточный берег Камчатки, руководство в работах Областного Комитета перешло к членам Р.К.П. Преодолевая невероятные трудности и лишения, без необходимой в Камчатской тайге одежды, с крайне ограниченными запасами дорожного продовольствия, мы на лыжах обошли 400-верстный район от Петропавловска до половины Кроноцкого залива, сагитировали к участию в выступлении малочисленное русское население этого района, отыскивали в глуши тайги отдельных охотников. Увеличив отряд до 65 человек, начали подвозку к городу продовольствия, находившегося на расстоянии 150 верст от города.

Подготовительная работа была закончена к началу февраля 1922 года, т. е. в течение трех месяцев. В течение всего этого периода наша контрразведка тщательно следила за тем, что делается в Петропавловске. Прибывший туда Уполномоченный Меркулова Бирич с офицерским отрядом в 150 человек и двумя генералами разослал по области строжайшие приказы о подчинении Камчатки «Приамурскому Временному Правительству». После чего продолжал сидеть со своим отрядом в Петропавловске и еженедельно служил благодарственные молебны за дарование победы над Камчатскими большевиками и скорое завоевание Камчатского Края. Областной Комитет решил не мешать этому занятию до тех пор, пока бандиты не попытаются проникнуть в «завоеванную» область.

Вооруженное выступление Областного Комитета против Петропавловска. В первых числах февраля с. г. наша контрразведка донесла, что 40 человек бандитов должны числа 10-го отправиться в глубь области, сначала в Большерецк, где намерены расхитить склады «Центросоюза», а оттуда по Западному побережью до Тигиля. Решено было помешать этому намерению белых. Выработали план, согласно которого отряд Областного Комитета стремительным натиском должен занять город, а в случае неудачи (в зависимости от поведения японцев) установить тесную блокаду. Областной Коми-

тет тем временем выезжает в глубь области и созывает 4-ый Областной Съезд. Занять этот город не пришлось, но в остальном плане хорошо удался. Перерезав телефонную линию и окружив город, захватив при этой операции в плен Полковника Лукомского и его офицера, наши отряды численностью в 70 человек сделали натиск на город, внимательно наблюдая за поведением японцев, которые приготовились к тому, чтобы разоружить отряды Областного Комитета. Взять город с бою больше не пытались, но установили тесную блокаду. В городе воцарилась полнейшая паника, огни по ночам не зажигались. Белые силой мобилизовали 100 человек чиновников и горожан. Командующим обороной был назначен Генерал Поляков. Но за город продвинуться им все-таки не удалось: меткий огонь наших отрядов каждый раз заставлял противника возвращаться в город. Такое положение длилось около двух недель, пока не поступила в Штаб отряда просьба ближайших по тракту волостей о допущении въезда жителей в город за продовольствием и предложение Городской Думы прекратить угрозы городу и убрать патрули подальше.

Просьба населения было во время, так как больше 3-х недель наш отряд не мог выдержать. Вследствие отсутствия теплой одежды, продовольствия и достаточного количества палаток с печками, все ослабли, стали больны и едва держались на ногах. Штабу отряда пришлось «пойти на встречу» просьбе населения, Городской Думе было сообщено, что патрули непосредственно от города снимаются при том условии, что белые не будут делать новых попыток проникнуть в область, и что дальше 8 верст от города они будут уничтожаться. Такой компромисс своего рода должен был продолжаться до открытия созываемого Съезда, решением и постановлениям которого должны были подчиняться, по мнению населения, обе воюющие стороны. Такая тактика позволила нам отправить на отдых большую часть отряда. Пока улеглась в городе паника, и противник оправился, наш отряд тоже успел отдохнуть, подвезти продовольствия и ко времени созыва 2-го Петропавловского Чрезвычайного Уездного Съезда (Областной не мог собраться) правильная блокада города была возобновлена.

2-ой Уездный Съезд и его решения. 3-го Апреля с. г. в с. Мильково (300 в. от Петропавловска) открылся 2-ой Чрезвычайный Уездный Съезд. Прибыли делегаты от 14 волостей уезда (из 17-ти), представители от Охотского края и Анадырского уезда. Собравшиеся делегаты единодушно высказались против попыток Меркуловского правительства завладеть областью: В течение 5-ти дней были приняты внесенные Членами Р.К.П. резолюции по текущему политическому моменту и по вопросу о власти, затем съезд переехал в с. Завойко в 20-ти верстах от Петропавловска и там продолжал свою работу. Основываясь на том, что за период военных действий белые дважды присылали Областному Комитету Мирную делегацию, предлагавшую оставить в покое Агентов Меркулова и отпущенную без насилий обратно в Петропавловск, Съезд

со своей стороны послал делегацию из 3-х лиц к Петропавловской Городской Думе для объявления через нее Биричу решений Съезда. Делегация была арестована, против чего прислало протесты население всей области. В мае Съезд закончился. Пополнив Областной Комитет тремя новыми членами, в числе которых числюсь я, Съезд имел лишь моральное значение, но не мог дать поддержки реальной. Вместо добровольцев в ряды Комитета и средств, население, за исключением Усть-Камчатска, прислало целые кипы протестов и резолюций против Меркуловских банд.

Второй период вооруженной борьбы против Петропавловска. С 29-го апреля с. г., со дня ареста Мирной Делегации Уездного Съезда, началась 2-ая Кампания против Петропавловска. Отряд Областного Комитета увеличился до 100 человек. Подкрепление пришло из селений восточного берега, заселенных русскими. Снова была попытка занять город Петропавловск, но в тот момент, когда один из отрядов пытался занять радио станцию, с японского крейсера был высажен десант, вооруженный пулеметами, который направился против наступавших на город отрядов. Не зная положения на материке и тактики центра по отношению Японии, от боя с японцами уклонились. Хотя после этого половина отряда (местные жители восточного берега) Штабом была распущена, но город в течение апреля, мая, июня, июля и августа подвергался самой строгой блокаде. Наша разведка часто делала ночные вылазки в город и убивала того или другого руководителя белых, часто днем обстреливала патрули белых в городе. Был период, когда белые и днем и ночью боялись патрулировать по так называемой «третьей» улице города, где их часто обстреливала наша разведка. В течение лета 1922 г. население города, за признание Меркуловского правительства и содействие его агенту Биричу, по постановлению Уездного Съезда Штабом лишено было рыбалок, покосов, пастбищ и дров, с города никто не мог выйти ни сушей, ни бухтой. За лето нами было захвачено два катера и конфисковано около 20 ведер спирта и арестованы некоторые гласные «Городской Думы».

Потеря надежды на помощь центра и подготовка к зиме. Горячее желание сохранить область для Совроссии и ожидание каждую минуту прибытия подкрепления и информации были причиной тому упорству, с которым Областной Комитет вел борьбу в течение года. Но ничего не было. В июле дошли до Комитета сведения о Меркуловском недовороте и о том, что Япония эвакуирует войска. Если не было поддержки Областному Комитету, то с получением указанных сведений у всех участников в борьбе появилась глубокая уверенность в том, что не получат больше подкрепления и белые. Так как была надежда на то, что Японский крейсер больше не останется в Петропавловской бухте на зимовку, то Областной Комитет, потеряв надежду на помощь, но и на информацию и директивы центра, начал собираться с последними силами и подготовиться к зимней кампании, надеясь после ухода

японцев своими силами уничтожить остатки белых. Благодаря принятым энергичным мерам, в первых числах августа в главную базу Областного Комитета было доставлено на 20.000 иен продовольственных продуктов, но мало было надежды на то, чтобы удалось достать необходимые для зимы оружие и одежду; для этого не было средств.

Новое нашествие на Камчатку белых. Каково же было удивление Областного Комитета, всех участников в борьбе и населения, когда десант за десантом начали прибывать из Владивостока новые силы белых. Сначала прибыл «Магнит» с отрядом 70 человек, после него «Сишан» с отрядом в 150 человек, затем «Томск» с двумя сотнями отборных палачей и убийц, и есть сведение, что такое же количество должно прибыть на «Кишинева». На Охотское побережье также направились четыре военных судна с десантом в 350 человек.

В момент получения этих сведений, я был уже в Большерецке. У многих опустились руки. Решено было блокаду города прекратить и оттянуть отряд в глубокий тыл для отдыха и пополнения и выработки новой ориентации. Мне же Областным Комитетом по телефону предложено было как можно скорее прорваться через морскую блокаду белых во Владивосток или Шанхай за средствами и военной поддержкой.

Областному Комитету нужна помощь людьми и средствами. Помощь необходимо послать до зимы, т. к. в течение зимы Областной Комитет вместе с остатками отряда будет окружен и уничтожен или в лучшем случае рассеян по тайге и обречен на смерть от голода и холода. Кроме того, белые, не встречая противодействия, за зиму займут важнейшие пункты и к весне настолько укрепятся, что потребуется много усилий и жертв для того чтобы выбить их с Камчатки летом. Я говорю это, зная Камчатские условия. Боеспособный отряд в 100 человек, пополненный Камчатским отрядом, смог бы вести успешную работу с разбросанными силами белых и не дал бы им превратить Камчатку в свою новую базу.

Что необходимо сделать. Для посылки на Камчатку вооруженного подкрепления пока есть один способ — это спешное вооружение парохода «Завойко», погрузка на него хорошо экипированного, вооруженного и вполне боеспособного отряда и высадка этого отряда на восточном побережье Камчатки. Но как теперь выяснилось, для выполнения этого плана потребуется много времени, между тем как помощь Камчатскому Облкому, хотя [бы] средствами и информацией, нужно оказать как можно скорее.

Если будут отпущены необходимые средства, у меня есть много данных за то, что эти средства можно будет переслать на п/х п/х Добровольного Флота, продолжающих перевозку на Камчатку десантов и снаряжения для белых. Для этой цели можно использовать имеющихся среди команды пароходов вполне надежных людей, с которыми у меня есть связь. Кроме того, я уверен в том, что можно будет подыскать подходящего коммерсанта (во

Владивостоке я знаю таких), который оставит нам соответствующий залог, поедет на Камчатку и вручит Ларину переданную сумму, получив за это условленное вознаграждение.

Можно быть уверенным, что Ларин не сделает ненужных расходов и будет экономен. К этому нас приучила суровая камчатская действительность. В общем, если в этом направлении выяснить все возможности, и не будет задержки со средствами, денежное подкрепление и информация на Камчатку будут переданы своевременно.

Во вторую очередь необходимо послать «Завойко» с десантом хотя бы в 100 человек. Как бы ни сложились обстоятельства в Приморье, «Завойко» должен доставить десант на Камчатку в конце февраля или начале марта. Посланный отряд соединится в «Колыгире» с силами Облкома и на «Завойко» же отправится в тот пункт, с которого удобнее будет повести наступление на Петропавловск. В то время пароходы белых будут в бухте заперты льдом, и крейсирование «Завойко» по побережью будет вполне свободно. Я буду принимать участие в организации и снаряжении этого отряда, вместе с ним отправлюсь на Камчатку и, надеюсь, ничего не будет упущено.

При выполнении этих двух мер, центр может быть уверен, что белые в глуби области не укрепятся, и окончательная ликвидация их не потребует так много жертв и материальных средств.

Относительно того, что необходимо сделать на Камчатке в третью очередь, я напишу в Чите подробный доклад с приложением смет и копию доклада пошлю Вам. Заранее скажу, что мои проэскты относительно тех мероприятий, которые нужно будет провести на Камчатке, не потребуют много издержек, будут вполне реальны и построены на чисто практических соображениях.

Я надеюсь, что в случае отправки на п/х «Завойко» отряда, будут посланы ответственные работники для работы на Камчатке и проверки моих докладов на месте.

«17» октября 1922 г.

Подписал: *М. Савченко (Славский)*

Ниже представлены воспоминания о событиях в Охотско-Камчатском крае в начале 1920-х гг. жителя Петропавловска М. Ф. Орлова. Михаил Филиппович Орлов в революционное время и до конца октября 1922 г. занимал должности помощника уездного начальника Гижигинского и Петропавловского уездов, заведовал финансовым отделом Камчатского областного правления. Приведенные им сведения имеют особую ценность, ибо они собраны непосредственным очевидцем событий.

М. Ф. ОРЛОВ

НА КАМЧАТКЕ В 1921 И 1922 ГОДАХ

В первых числах июня 1921 г. Камчатский Ревком получил телеграмму от Крайисполкома, в которой сообщалось, что для исследования Командор на Камчатку прибудет тов. Якум с двумя сотрудниками, и ему предлагалось оказать всяческое содействие.

Дня через четыре «Адмирал Завойко» прибыл в Петропавловск и ошвартовался у угольной пристани. Спустя час т. Якум со своими сотрудниками был принят председателем Ревкома И. Лариным. Тов. Якум представлял из себя типичного коммивояжера. Курчавый брюнет, орлиный нос, правый глаз косил, держал себя самоуверенно.

На второй день после экстренного заседания Областного Ревкома, тов. Якум с сотрудниками на пароходе «Адмирал Завойко» ушел в море. Курс был взят на Командоры. Во Владивостоке в это время уже произошел переворот, и было образовано Приамурское Национальное правительство.

Командоры отстоят от Петропавловска в расстоянии восемнадцати часов плавания. Эти острова обладают морскими бобрами, котиками и голубыми песцами. Промысловое население состоит из 300 алеутов. Закон 1893 г., изданный по соглашению с канадским правительством, устанавливает тридцатимильную запретную зону около Командорских островов.

На эти острова и прибыл т. Якум. Он собрал здесь всех алеутов острова Беринга, а потом и Медного, и объявил, что отныне острова принадлежат алеутам, и они должны управляться на выборных началах. Была устроена манифестация. Алеуты табуном пошли на кладбище и на могиле умершего от спирта запели нестройными голосами вместо: «Вы жертвою пали...» — «Ми жиртвую пули в бурьбе руковой...»

На второй день т. Якум забрал пушнину и объявил алеутам, что они за пушнину получают все, что захотят, то есть от дегтя до бриллианта, и он, Якум, постарается поторопить груженные пароходы, якобы стоящие во Владивостоке и ждущие только распоряжения т. Якума о выходе.

Ждали алеуты якумовских кораблей до закрытия навигации, так и остались на зиму голодными и холодными.

Недели через две в Петропавловск на имя председателя областного Ревкома Ларина была получена шифрованная телеграмма следующего содержания: «Прибыли благополучно. Завойко отдал якорь Вампу, Шанхай. Якум».

Вторая радиотелеграмма гласила: «Пушнина реализована за 175 тысяч. Плавающий штаб ЧеКа учрежден порту Шанхай борту Завойко. Работа ведется среди китайских студентов, иностранных моряков, старшинок артелей. Разрабатываем ряд крупных забастовок. Почва дает хорошие плоды. Якум».

6 мая 1922 г. пишущий эти строки приказом особоуполномоченного Временного правительства в Охотско-Камчатском крае был командирован на Командорские острова для наблюдения за выполнением договора, заключенного Акционерным обществом «Нихон-Моохи» от 11 апреля 1922 г., купившим командорскую пушнину, упромышленную в зиму 1921—1922 гг.

Комиссия состояла из уполномоченного, пишущего эти строки, государственного контролера, двух представителей от фирмы «Нихон-Моохи», двух офицеров и десяти охранников.

8 мая пароход «Взрыватель» подошел при большой качке к острову Беринг. К борту парохода с берега подошли два вельбота с алеутами. После опроса старосты острова, комиссия отбыла на берег. На другой день были обследованы склады, в коих кроме тощих крыс и порченных консервов, ничего не оказалось. Срочно было приступлено к выгрузке товаров и всех продуктов, предназначавшихся для населения.

У алеутов коммунистическая зараза, оставленная т. Якум, слетела, как шкурка с котика и, несмотря на истощенность от голода, все были настроены празднично.

Спустя неделю рано утром ко мне резко постучал в дверь надсмотрщик за промыслами и таинственно сообщил: японцы с крейсера высадили десант. Наскоро одеваюсь, выхожу и вижу: на рейде действительно стоит японский крейсер «Ивами», который зимовал в Петропавловске. По отливу по направлению к селению двигался беспорядочной толпой десант. Беру направление на соединение с десантом, который остановился и сбился в кучу. Подхожу вплотную и своим глазам не верю — без головных уборов стоят алеуты, одетые в японскую морскую форму. Впоследствии было выяснено, что с крейсера было сброшено несколько тюков старого обмундирования, которое и было алеутами подобрано.

Собранная пушнина на Командорских островах на 100 тысяч золотом была сдана представителям фирмы «Нихон-Моохи». Согласно договора, фирма полностью снабдила население островов всеми продуктами и товарами необходимой потребности.

22 декабря 1922 г., когда мы с Камчатки прибыли в Шанхай, на рейде в Вампу мы обратили внимание на облупленный, грязный, обросший ракушками «Адмирал Завойко».

Тов. Якум израсходовал полученные за пушнину на насаждение коммунизма 175 тысяч золотых долларов и, втянув в это дело местных китайских компрадоров на несколько десятков тысяч, отправил «Адмирал Завойко» во Владивосток, а сам остался в Шанхае для продолжения намеченной цели — коммунизации Китая.

Наступала осень 1921 г. Жители Петропавловска стали поговаривать о перевороте, но кто и когда будет переворачивать, никто указать не мог, а вернуться охота: уж больно долго советчики засиделись у власти и уж очень всех прижали. Шутка сказать, с декабря 1919 г. — срок порядочный.

В Петропавловске на почте и на телеграфе была введена строгая цензура, но для пассажиров японского парохода, прибывшего из Владивостока в Петропавловск, ее не существовало, и они таинственно передавали последние новости, из которых самой большой было — готовиться к перевороту.

Камчадалы не верили разговорам и просили подтвердить это фактами. Пассажиры удовлетворили это их любопытство и сообщили, что есаул Бочкарев, несмотря на рогатки, поставленные ему во Владивостоке, продолжает грузиться с отрядом на пароходы и что он, вероятно, очень скоро будет на Камчатке.

Местная власть заволновалась. Заработали радио и телеграф. Власти предупреждали из центра свои органы по уездам о надвигающейся опасности. Представитель от Охотска Щербаков находился в Петропавловске и поспешил послать радио следующего содержания: «Охотск Ревтройке. Белобандит Бочкарев с отрядом вышел из Владивостока. Вероятно, пойдет в Охотск. Примите самые строгие меры. 127. Уполохотска Щербаков».

На второй день Щербаков получил ответ на свою телеграмму: «Уполохотска Щербакову. Петропавловск. 127. Самые строгие меры приняты. Охотская ревтройка шлет привет из Охотской каталажки. Есаул Бочкарев».

Эта радиограмма буквально ошарашила Губисполком, и для него стало ясно, что Охотск пал и занят бочкаревцами. Стали готовиться к эвакуации Петропавловска и таскать в сопки провизию и оружие...

Была темная октябрьская ночь. У одного из чиновников собрались на семейное торжество сослуживцы разных ведомств. После выпитой бражки стали смелее обсуждать политические вопросы.

«Но вот, представьте себе, господа, — заявил доктор, — что камчатская власть покидает Петропавловск, уходит в сопки и т. д.»...

В это время Бочкарев успел уже занять Охотск и, оставив там маленький отряд на месте, со штабом и отрядом высадился в Наяхане, а своего начальника штаба генерала Полякова с сотней казаков на посыльном судне «Свирь» отправил занять столицу Камчатки — Петропавловск.

«Свирь» не дошла до маяка на пушечный выстрел. Заметив на горизонте шлюпку, ей был дан сигнал подойти к борту. В шлюпке оказались два охотни-

ка-камчадала. Одному из них генерал вручил пакет, который должен был быть доставлен в Петропавловск представителям власти, но власть уже бежала в сопки, и пакет был передан председателю городской управы.

Вот с этим-то пакетом и влетел, как метеор, городской голова на семейное торжество, с возгласом: «Господа, сенсация! Мною получен приказ от какого-то начальника Северного экспедиционного отряда». Содержание приказа примерно таково: как начальник Северного экспедиционного отряда предлагаю завтра к восьми часам утра доставить на борт парохода «Свирь» все имеющееся на руках у жителей огнестрельное оружие, не оказывать вооруженного сопротивления чинам вверенного мне отряда и т. д. Заканчивался приказ следующими словами: «Разобью весь город — не оставлю камня на камне. Начальник штаба СЭО Генерального штаба генерал-майор Поляков».

Доктор предложил всем присутствующим на торжестве отправиться в Народный дом на собрание. Забили в набат. Горожане стали собираться. Горожанам был зачитан приказ грозного генерала. Самым трудным делом был вопрос о сдаче оружия, так как в городе было уже безвластие. Горожанами был организован немедленно Комитет общественной безопасности и избрана мирная делегация, на обязанности которой и легло собрать оружие и доставить таковое на «Свирь».

Всю ночь бегали по домам и уговаривали сдавать оружие. Некоторые интересовались пушками генерала: «Однако, паря, большие, если камень на камне не оставит».

И вот наступило зловещее утро. Такого утра камчадалы не знали со времени наступления англо-французской эскадры в 1854 г. К семи часам утра оружие было собрано. Члены Комитета обратились к домовладельцу Захарову с просьбой предоставить его катер для перевозки собранного оружия на «Свирь».

Городской голова заявил ему: «Ну, Захаров, катер у тебя хороший, хочешь подряд сломать?» «Да, пошто не так, от хорошего заработка не отказываемся». «Ну, тогда подавай катер к пристани». Когда из казенного склада принесли и положили на катер первую партию оружия, Захаров, побледнев, дрожащим голосом заявил: «Нешто православных можно на убоину посылать»...

Городской голова торопил: «Господа, живет, уж полчаса восьмого». «Все готово, ну, с Богом!»

Члены комиссии прыгнули в катер, и он отвалил. Захаров сел за руль. На мачте взвился белый флаг мирной делегации. Обогнули мыс Никольской сопки. На горизонте Авачинской бухты стоял грозный двухтрубный «Свирь». С пушек чехлы были сняты и наведены на катер мирной делегации. С Захаро-

вым случился грех — у него от перепуга оказался сильный приступ медвежьей болезни...

Подошли к «Свири». Наскоро выгрузив оружие, Захарова отправили домой. Члены мирной делегации были приняты генералом в кают-компанин.

Десант высаживался не сразу. Сперва генерал высадился на берег с начальником личной охраны, отрядным священником и с несколькими казаками. Только после полной инспекции всего города генерал отдал приказ выгружаться. Генерал оказался человеком добрым и общительным.

Как-то после оккупации города местный уездный врач спросил генерала: «Никита Андреевич, скажите, пожалуйста, с каким вооружением и боевыми припасами Вы пришли занимать столицу Камчатки?»

«Извольте слушать. “Свирь” при выходе из Владивостока имела две маленьких пушки (макленки) и ничтожное количество к ним снарядов. В Охотске пришлось обстрелять берег, чтобы дать возможность высадиться десанту. Петропавловск я шел занимать без денег, без продовольствия, без обмундирования, без оружия и снарядов. На весь отряд я имел десять берданок с ограниченным количеством патронов. Вот и все вооружение моего отряда».

«Местные партизаны гораздо сильнее Вашего отряда, они имеют автоматы, неограниченное количество патронов и бомбы. Выходит, что Бочкарев говорил Вам неправду?»

Генерал посмотрел на доктора и ответил словами Л. Андреева: «О, какое безумие быть человеком и искать правды».

Уста генерала молвили истину.

Вскоре прибыл в Петропавловск пароход «Взрыватель», на котором оказался особоуполномоченный по Камчатской области Х. П. Бирич и штат областной администрации (Бирич прибыл на «Кишинева». — *Ред.*).

Так был освобожден Петропавловск небольшим отрядом Оренбургского казачьего войска, с честью пронесшим борьбу за Национальную Россию с Урала до крайних пределов нашей Родины — Камчатки.

Приезд членов Особого совещания при правительстве. Вскоре после занятия Петропавловска между военными и гражданскими властями возникли разногласия, принявшие затяжной и весьма прискорбный характер. Создавшееся в Петропавловске тревожное положение вынудило Приамурское правительство в декабре 1921 г. отправить на Камчатку пароход «Охотск» (это был первый зимний рейс на север) с членами Особого совещания при правительстве А. А. Пуриным и И. Д. Добровольским.

После месячного плавания вокруг Японии с заходом в разные ее порты, «Охотск» 21 января 1922 г., обледенелый до верхушек мачт, прибыл в Петропавловск, доставив сюда казенные грузы и различные товары для фирмы «Фукуда-Гуми», открывшей в Петропавловске отделение.

Прибывшими было доставлено на Камчатку от Временного Приамурского правительства обращение к населению Охотско-Камчатского края, в котором население призывалось принять участие в общем великом и святом деле возрождения нашей Родины.

«Те, кто с оружием в руках, волей или неволей, боролся против русской национальной власти Приамурского правительства, пусть оставят оружие и возвращаются к своим домам, где живут их семьи, где так надобен их труд. Те, кто служил, так или иначе, павшей власти, если в них бьется русское сердце и сохранилась любовь к Родине — России, — пусть идут работать вместе с нами...», — говорилось в этом обращении. Оно было разослано по деревням и селениям и тепло встречено населением.

Прибывшими было созвано под председательством особоуполномоченного Х. П. Бирича совещание начальников учреждений, ведомств и представителей города, на каковом было достигнуто примирение, и была установлена известная градация подчинения воинских групп начальнику гарнизона Петропавловска Генерального штаба генерал-майору Н. А. Полякову. Было также установлено, чтобы впредь все распоряжения, касающиеся вооруженных военно-морских сил, отдавались гарнизону не особоуполномоченным, а через начальника гарнизона.

Прибывшие вошли в связь с начальником Северного экспедиционного отряда полковником В. И. Бочкаревым и обещали ему оказать помощь в переброске из Петропавловска в Наяхан находящейся здесь части отряда во главе с генералом Поляковым. Из разных мест Камчатки приезжали представители населения, чтобы повидаться со старыми приятелями, прибывшими из Владивостока. Все говорило за то, что порядок в крае наладится, ибо население не сочувствовало большевикам.

Партизанский отряд, прекрасно снабженный и вооруженный, не был своевременно ликвидирован. Агенты красных разъезжали по рыбалкам и селениям и вербовали анархически настроенных русских. Им стало известно о неладах в Петропавловске, и это привело к активным выступлениям красных.

Прибывший в Петропавловск вместе с гг. Пуриным и Добровольским полковник кирасирского полка Лукомский генералом Поляковым был отправлен в селение Завойко, отстоящее от Петропавловска в тридцати верстах. По пути туда полковник Лукомский был перехвачен красными и около проезжей дороги умучен. Приезжавшие крестьяне рассказывали, что он был привязан к дереву и поливался водой, пока не замерз. Труп оставался в таком обледенелом виде до весны. Вслед за этим на окраине города были убиты три казака, поехавшие за сеном, а затем Петропавловск был обложен красными, с которыми проходили частые стычки. Отряд красных партизан быстро возрастал и достиг пятисот человек. В его составе было много лиц, принимавших в прошлом участие в отряде Тряпицына в Николаевске-на-Амуре. В Пет-

ропавловске создано чрезвычайно тяжелое положение. Сообщение с Владивостоком было прервано. Транспорт «Охотск» замерз в Авачинской бухте, и только в конце апреля, благодаря тому, что командир японского транспорта «Канто» и начальник японских десантных войск капитан 1-го ранга г. Сицида предоставил «Охотску» уголь, он мог выйти в Японию и дальше во Владивосток, куда и отбыли гг. Пурин и Добровольский, и где ими был сделан доклад правительству о положении дел на Севере.

Вскоре после этого из Владивостока на Камчатку был отправлен капитан 1-го ранга г. Ильин с отрядом моряков на канонерской лодке «Магнит». По прибытии в Петропавловск капитан 1-го ранга Ильин вступил в управление областью и вооруженными силами вместо особоуполномоченного Х. П. Бирича. Генерал Н. А. Поляков с частью своего отряда выехал в Наяхан и присоединился к полковнику Бочкареву.

Во Владивостоке тем временем произошел новый переворот, приведший к власти генерала Дитерихса.

В числе мероприятий в отношении русского Северо-Востока было: 1) Предоставление Якутии прав автономного самоуправления и отправка в Аян для действий в Охотско-Якутском крае экспедиции генерала Пепеляева и его начальника штаба генерала Вишневого и 2) Назначение начальником Камчатской области генерал-майора П. М. Иванова-Мумжиева и его помощником по гражданской части знающего Камчатку и популярного там А. А. Пурина. Еще до прихода новой администрации в Петропавловск ходили слухи, что Владивосток пал, и что Петропавловск будет эвакуирован.

Новая администрация и эвакуация. 25 октября в Петропавловск прибыла новая администрация области, отряд пластунской сотни под командой полковника Лаврова, епископ Даниил, офицерский состав и лица гражданских ведомств. В тот же день был отдан приказ о вступлении генерал-майора Иванова-Мумжиева в управление краем и о назначении капитана 1-го ранга Ильина начальником всех войск и частей флота, оперирующих в водах Камчатской области.

Когда сведения о крушении Приморской государственности подтвердились, был собран военный совет, который и постановил эвакуировать Петропавловск 2-го ноября. Против таковой эвакуации было население и большинство военных и гражданских начальников. Зная хорошо край и его возможности, А. А. Пурин был сторонником создания из северо-восточных областей буфера, который при наличии неисчерпаемых естественных богатств мог бы не только защитить себя, но и дать возможность сотням тысяч русских людей жить и работать у себя на родине. Еще задолго до отъезда на Камчатку начальник тылового района адмирал Старк неоднократно вызывал к себе А. А. Пурина и вел с ним разговоры о возможности создания на территориях Камчатской и Якутской областей автономной государственности. Перед отъез-

дом из Владивостока новой администрации адмиралом Старком было указано, что Владивосток продержится недолго, и что он решил эвакуировать корабли и военные силы на Камчатку и предложил подготовить Петропавловск и его окрестности для размещения тридцати тысяч человек. Все это казалось весьма естественным, так как в Охотском, Гижигинском и Якутском краях находились значительные антисоветские вооруженные силы и сочувствующее им население.

План создания краевого Северо-Восточного правительства был сочувственно встречен и поддержан представителями соседних стран. Огромный Камчатский край мог бы вместить миллионы людей, которые пожелали бы заняться мирным трудом. Кроме необходимых продуктов — муки, чая, сахара, масла — все остальное для жизни можно иметь на месте, а что недостает — получить из Японии, Канады и Америки. Уголь, золото, рыба, пушнина, китовый промысел, огородничество давали возможность работать всем, кто только пожелает.

Полезные и целесообразные советы знатоков края во внимание приняты не были, и 2-го ноября Петропавловск был оставлен, а находившиеся в Гижиге, Охотске и Аяне военные силы предоставлены сами себе без кораблей и без связи. Они были обречены на гибель, которой, по общему мнению, можно было бы избежать, если бы Петропавловск не был эвакуирован, и туда, вместо Гензана, был бы направлен флот и вооруженные силы Дальнего Востока.

Нам вспоминаются слова генерала Полякова, сказанные им накануне отъезда в Гижигу к полковнику Бочкареву: «Пускай я не вернусь. Я твердо верю, что победа будет за нами. Пусть только возможные неудачи не останавливают других бойцов. Я прошу лишь об одном: если мы погибнем — продолжайте и закончите наше дело...»

Никита Андреевич Поляков, В. И. Бочкарев и все чины отряда погибли в Гижиге в начале 1923 г. Х. П. Бирич был расстрелян во Владивостоке. Скоро сдался в плен и отряд генерала А. Н. Пепеляева, и на Северо-Востоке воцарилась советская власть.

Северо-Восток России оказался местом последней схватки между белыми и красными, и разыгравшиеся здесь эпизоды полны глубокого трагизма.

На положении эмигрантов. В середине ноября 1922 г. мы стояли в Хоккайде, выжидая решения нашей дальнейшей участи. «Магнит» с капитаном 1-го ранга Ильиным ушел в Гензан на соединение с эскадрой адмирала Старка. А. А. Пурин отбыл в Токио для выяснения нашей судьбы и изыскания средств на нашу дальнейшую переброску в Шанхай, если нельзя будет расселить нас в Японии. Сообщения с берегом не было, и более трехсот человек проживало в железной коробке, называемой пароходом «Сишан», в трюмах, скудно питаясь из общего котла. Периодически японцы привозили нам кое-какие деликатесы, детям молоко и изредка под свою ответствен-

ность свозили нас на берег, угощали в ресторанах, возили на горячие ключи в Юнакава и опять доставляли на пароход. Отношение со стороны японцев ко всем нам было сердечное, но, понятно, никто не мог переступить закона и выпустить нас на берег.

Из Мурорана прибыли новых 60—70 эмигрантов, выбравшихся из Охотска, и присоединились к нам. Тем, кто пожелал выехать во Владивосток, не препятствовали. Их снабжали документами и деньгами по 50—60 иен на человека и с миром отпускали в советский рай.

В трюмах царила зеленая скука. На нарах два сидевших сотника за рюмкой рисовой водки вспомнили, что они не представлены друг другу. Один из них сказал:

— Разрешите представиться: по флоту матрос 1-й статьи, по-казачьему — сотник Любченко.

— Очень приятно. По казачьему сотник, а ежели считать по якутскому тракту — командующий северной армией Бороденко.

— Скажите, пожалуйста, — спросил Любченко, — на каком участке находилась ваша армия?

— Вы что, сотник, с луны упали? Про армию якутского тракта знавали за пределами Камчатки.

— Холодно было командовать армией?

— Да нет, также как в Сибири. Знаете, сотник, несмотря на морозы, я проделал зимние маневры. Было у меня четыре адъютанта: по строевой, оперативной, хозяйственной части и адъютант-переводчик. Только я, командующий, был один русский, а остальная команда состояла из инородцев. Был отдан мною приказ: разделить армию на белых и красных поровну. Ввиду того, что армия находилась в стадии формирования, в день маневров в ней числилось 150 человек. Одна половина, белых, спряталась за сопку, а вторая половина, красных, в котловину. Был дан сигнал с наблюдательного поста наступать. Стали постреливать. Смотрю, что-то стали отставать цепи, как у красных, так и белых. Был послан адъютант подтолкнуть лежащих, который, возвратясь, доложил, что все лежащие оказались убитыми...

С большим трудом удалось прекратить огонь... Красные заявили, что белые первые стали залповать боевыми патронами, но мы тоже залпанули по белым. Результат — 25 убитых, никого раненого. Спрашиваю адъютанта-переводчика: «Почему ни одного раненого?» «Мы, северяне, привыкли охотиться на зверя, чтобы шкуру не портить, бьем в голову»...

Разговор их был прерван тревожными гудками парохода «Сишан». Все обитатели трюма выбежали на палубу, где выяснилось, что кочегары парохода не желают продолжать дальнейший рейс и старались с корабля спустить на воду шлюпки... Полковник Баженов хотел этому воспрепятствовать, но

был остановлен генералом Ивановым-Мумжиевым и между ними произошла крупная перебранка.

Команда парохода «Сишан» состояла из большевиков и им сочувствующих и была японской полицией возвращена с берега на корабль.

На второй день агент Добровольного флота Данич и консул Лебедев доказали японским властям, что пароход «Сишан» тридцатипятилетней давности и без капитального ремонта выйти в море не может.

На выхлопотанные А. А. Пуриным и переведенные из Токио деньги был зафрахтован пароход «Кинки-мару», куда и перегрузились все эвакуирующиеся. Через несколько дней пароход направился в Шанхай, куда прибыл 22 декабря 1922 г. после двадцати дней плавания.

Все выехавшие с Севера после долгих мытарств высадились в Шанхае и начали нести тяжкий крест русского эмигранта. С тех пор прошло восемнадцать лет. Многие сложили свои головы в Шаньдунской армии, но оставшиеся в живых полны воспоминаниями о Севере, его чарующих красотах и ждут того счастливого часа, когда судьба вернет их на Родину.

Приведенный выше и последующий материал позаимствован нами из юбилейного сборника «Камчатка 1740—1940», выпущенного в Шанхае в честь двухсотлетнего юбилея города Петропавловска-Камчатского, отмечавшегося в 1940 г. камчатской колонией местных эмигрантов. Копию сборника в распоряжение камчатских исследователей любезно предоставил владивостокский историк А. А. Хисамутдинов.

ПОСЛЕДНИЙ АНДРЕЕВСКИЙ ФЛАГ

*Тебе, Андреевский флаг, мое первое слово,
Тебе, безмолвному свидетелю служения
флота Родине,
Тебе, участнику славных побед,
Тебе, делившему горечь поражения.*

Порт Петропавловск-на-Камчатке. Ясное утро 2-го ноября 1922 года. В семь часов сорок пять минут после «повестки» судовой горнист канонерской лодки «Магнит» играет «Большой сбор».

Вахтенный начальник мичман М. И. Никифоров (штурманский офицер корабля) командует: «Гардемарины и команда на шканцах, во-фронт!»

Быстро сбегаются люди и через пять минут все уже в сборе: гг. офицеры выстроились на юте, гардемарины — на правых шканцах во главе первой вахты команды, вторая вахта — на левых.

Офицеры тихо ведут беседу о предстоящем уходе с берегов Камчатки, которую все полюбили.

Команда: «Смирно, господа офицеры!» дает знать, что командир корабля, лейтенант Д. А. фон Дрейер, на палубе.

Обойдя фронт гг. офицеров и приняв утренний рапорт от старших специалистов и старшего офицера, командир обходит фронт и здоровается с гардемариными и командой, которые стройно, чуть нараспев, бодро отвечают обычным: «Здравия желаем, господин лейтенант!»

Раздается тихий, но ясный голос вахтенного начальника: «Без пяти минут восемь, господин лейтенант».

Сигнальщики у кормового флага и гюйса на баке замерли в ожидании. Горнист, приложив мундштук к губам, «греет» горн, чтобы тот не «скиксовал».

«На флаг и гюйс», — раздается бодрая команда Миши, и все взоры обратились на корму.

«... Последний подъем родного флага в водах Камчатки, в водах российских... последний, — невольная мысль у всех на уме, — мы последний корабль под славным Андреевским флагом в российских водах, на родине...»

«Флаг и гюйс поднять!» — командует мичман Никифоров, чем нас всех отрывает от мыслей об уходе...

Как-то резко сорваны фуражки, и взоры всех устремились на корму, где флаг, затрепетав в налетевшем легком шквале, распустившись за поручни юта по ветру, открыл свой голубой Андреевский крест и медленно-медленно пошел кверху.

Андреевский флаг... наше Святое Знамя, Флаг Петра Великого, адмиралов Сенявина, Ушакова, Нахимова, Завойко, Макарова и Колчака, во всей своей красе распустился в последний раз на российском корабле, в российских водах далекой окраины нам всем дорогой и милой Родины... Последний Флаг...

Сколько мыслей роится в голове каждого, стоящего на палубе корабля «Магнит», готового покинуть и, быть может, навсегда, родные воды... Последний Флаг...

Замолк горнист... «На-кройсь! — опять командует Миша, — гардемарины и команде — разойтись!»...

Закончен последний подъем Флага «с церемонией» в водах российских Дальнего Востока и Камчатки, отошел в историю, и навсегда. Этот обычай — церемониал, повторявшийся изо дня в день во всех уголках нашей необъятной Родины, где бы ни находился хотя бы один российский корабль.

В четыре часа дня канонерская лодка «Магнит», приняв на борт отдельную морскую роту во главе с ее командиром лейтенантом Сеньковским, а также часть чинов гарнизона Петропавловска, покидает воды Камчатки с тем, чтобы соединиться с отрядами судов адмирала Ю. К. Старк, которые 24 октября оставили Владивосток.

Вернулся с берега и поднят на палубу последний «мотор», и связь с берегом прекратилась... последняя связь с родной землей... когда-то Господь приведет нас опять вступить на родную землю...

Пароход Добровольного Флота «Сишан» с частями гарнизона и всеми теми, кто пожелал разделить нашу горькую участь оставления Родины, выходит из конца гавани и, пройдя вдоль борта «Магнита», ложится на курс к выходу. Трехцветный флаг, служивший всем русским людям как Знамя России Национальной, уходит с верными своему долгу людьми и долго, долго, может быть, не увидит Петропавловск этого знамени... долго.

Быть может, среди оставшихся тоже есть много русских людей, верных своей Родине, много и сынов Камчатки и Алеутии осталось там разделить участь Родной Страны... Но мы, волею Божией уцелевшие остатки славного императорского российского флота, мы все, кто ушли на «Магните», имеем право честно и прямо сказать, глядя в глаза России, что долг свой перед Родиной в мере предоставленных нам возможностей мы выполнили до конца.

Долг наш перед Родиной, которая к тому времени уже называлась С.С.С.Р. по всей своей необъятной шире, за исключением лишь далеких окраин, оставляемых нами, и символизировавшаяся там кроваво-красным флагом, долг свой мы выполнили тем, что беззаветно, бесстрашно и бескорыстно несли мы службы свои по охране Земель Русских и кровью своей защищали интересы Государства Российского.

К концу 1922 года мы все прекрасно понимали и знали, что борьба наша с советской властью — борьба неравная; тем не менее, мы, помня заветы Петра и не взирая на неравность борьбы, продолжали блюсти границы нашей Родины и защищать ее окраины от хищников всеми силами и до последней возможности.

Наши северные владения и Камчатка требовали внимательного надзора и заботливого ухода за их богатствами и промыслами и защиты их от анархических банд, бродивших в крае. Наши бобры, котики и голубые песцы Командорских островов, камчатская пушнина, рыба, золото и прочие богатства вот уже несколько лет хищнически уничтожались, и русское добро вывозилось из края безнаказанно во всех направлениях.

Необходимо было восстановить действительную охрану наших побережий Камчатки и северного края с их промыслами и в корне пресечь самоуправство соседей, которые давно перестали считаться с часто сменяющимися веши местными правительствами, не имевшими фактически необходимой связи с Россией, и потому не обладавшими ни авторитетом, ни реальной силой для борьбы с хищничеством и самоуправством, которое дошло до того, что были даже организованы особые комиссии по изучению богатств Камчатского края и Чукотского полуострова и «промышленники» наших соседей свободно «обследовали» край.

Адмиралом Ю. К. Старк, командующим Сибирской Флотилией во времена Приморского правительства, возглавлявшегося тогда Д. С. Меркуловым, для этих целей и был выбран из состава судов флотилии «Магнит».

Хотя решение о посылке канонерской лодки «Магнит» на охрану побережий Камчатки было еще не окончательное, с ранней весны 1922 года мы лихорадочно стали готовиться к ответственному и серьезному плаванию, которое предстояло нам произвести на нашем утлом суденышке, плавание, которое стало и эпическим, и историческим.

Канонерская лодка «Магнит» всего только около 900 тонн водоизмещения. Судну, построенному для обслуживания Владивостокской крепости в роли минного кабельщика крепостного минного батальона, пришлось совершить плавание у берегов Камчатки, Берингова пролива и даже частично в Северном Ледовитом океане, плавание, которое действительно и бесспорно было эпическим и стало историческим.

Учитывая серьезность и ответственность плавания и предназначаемой задачи «Магниту» офицерский и личный состав его потому был выбран и назначен по трем признакам: «марсофлотство», морские знания и опыт, личное удалство.

Командование канонерской лодкой «Магнит» было вверено лейтенанту Д. А. фон Дрейер, совершившему в предыдущий год короткий поход к камчатским берегам и на Командорские острова в условиях совершенно ненормальных, но с большим успехом данные ему задачи выполнившего. Ему было предоставлено право выбора как офицерского состава, так и команды, соответствующих специальному назначению и роду предстоящего плавания, в полной мере по указанным признакам, чем хотя бы отчасти и немного можно было бы возместить те недостатки в качествах корабля, которые по условиям того времени невозможно было исправить или по соображениям техническим, или просто из соображений финансовых.

Неудивительно поэтому, что личный состав корабля «Магнит» был сплочен между собой от командира и до юного добровольца-матроса и жил одной семьей, спаянной желанием служить Родине до последних сил и последних возможностей.

Необходимо сказать, что канонерской лодке «Магнит» предстояло быть не только охранно-боевым кораблем, но и учебным судном, ибо в северное плавание на «Магните» шли гардемарины, которым необходимо было дать не только теоретическую подготовку военно-морских наук по программе Морского Корпуса, но и практическое плавание и морской опыт, столь необходимые каждому офицеру флота, которыми готовились быть наши гардемарины.

Для этой цели из состава офицеров «Магнита» были выбраны и назначены преподаватели-инструкторы для занятий с гардемаринами по специальным наукам, которые происходили в течение всего плавания совершенно регулярно, независимо от операций на побережьях.

Уместно также будет сказать здесь, что как гг. офицеры, так и весь личный состав корабля «Магнит», готовясь в серьезное и ответственное плавание, ни разу не обмолвились о своем будущем, а материального вопроса, денежного, как бы и не существовало: мы все готовы были нести службу свою по совести, но не за страх или материальное вознаграждение — служили Родине и Родному Флагу идейно и бескорыстно.

Андреевский флаг — этот символ верности и безграничной любви, любви до самозабвения («...я не могу быть распят на таком же кресте, как Учитель», — сказал Св. Андрей Первозванный, когда его хотели распять на «прямом» кресте), Флаг сочетания цвета правды и чистоты и Синего — цвета лазурного моря и неба. Этот Флаг своим косым крестом, крестом Св. Андрея Первозванного, был всегда нам символом служения Родине, служения честного, бескорыстного и верного, по заветам Великого Петра и Адмиралов Российских от времен Гангута и до последних дней жизни Адмирала Колчака.

Лихорадочно готовился «Магнит» к предстоящему плаванию. После трехмесячной интенсивной работы, в которой лично принимали участие все, от командира и до младшего матроса-добровольца, усилиями личного состава корабля и Владивостокского военного порта «Магнит» вышел на рейд, и мы могли сказать: «Мы готовы».

Однако только к концу июня месяца адмирал Ю. К. Старк смог отпустить «Магнит», который был ему необходим в операциях, которые флотилия вела вдоль побережья Приморской области и острова Сахалин.

После обыденных приемов из порта запасов снабжения и провизии, правда, в количествах очень незначительных, так как полное наше пополнение нам предстояло произвести в пути, в Японии, настал желанный и долгожданный день.

22-го июня 1922 года после инспекторского смотра, произведенного кораблю адмиралом Ю. К. Старк и его начальником оперативной части капитаном 2-го ранга А. П. Ваксмут, после обыденных рукопожатий, троекратного лобзания по обычаю русскому, командующий пожелал кораблю «Магнит» благополучного плавания и восвосяи благоприятного возвращения.

В десять часов «Магнит» отдал конец с бочки и покинул Владивосток, чтобы, как потом оказалось, более никогда не вернуться.

Эпическое плавание канонерской лодки «Магнит» у побережья Камчатки, Командорских островов и в Беринговом море вошло в историю флота, как плавание последнего носителя Славного Андреевского Флага в Российских водах, как корабля, унесшего этот Флаг от родных берегов чистым, в сознании выполненного до конца им долга перед Родиной и не опустившего Флага до конца дней своих.

Канонерская лодка «Магнит» вышла из Владивостока в следующем составе:

- командир корабля — лейтенант Д. А. фон Дрейер. Ныне здравствует (Китай);
- старший офицер — лейтенант Ю. А. Степанов. Ныне здравствует (Китай);
- старший штурман — мичман П. Н. Волчанецкий. Ныне здравствует (Китай);
- младший штурман — мичман М. Н. Никифоров. Ныне здравствует (Китай);
- вахтенный начальник и ротный командир — лейтенант М. Подиметопуло. Ныне здравствует в С.А.С.Ш.;
- вахтенный начальник и артиллерийский офицер — мичман М. В. Дешуков. Умер на Филиппинах;
- вахтенный офицер — мичман И. А. Буланин. Ныне здравствует (Британская Колумбия);
- вахтенный офицер — корабельный гардемарин В. Киркор. Ныне здравствует (Китай);
- старший судовой механик — поручик по механической части И. И. Котуновский. Умер в Шанхае;
- 2-ой судовой механик — подпоручик И. Г. Сергиенко. Местопребывание неизвестно;
- 3-ий судовой механик — машинный кондуктор В. К. Валшкис. Ныне здравствует (Китай);
- судовой врач — лекарский помощник П. Н. Степанов. Местопребывание неизвестно;
- старший судовой боцман — кондуктор флота В. М. Кобелев. Местопребывание неизвестно.

Гардемарины:

- Г. Петренко — ныне здравствует (Китай);
- А. Поляков — погиб на патрульном судне «Лейтенант Дыдымов»;
- П. Дорошенко — умер в Шанхае;
- В. Смеленец — ныне здравствует (Филиппины);
- П. Лашков — ныне здравствует (С.А.С.Ш.);
- Н. Вельмин — местопребывание неизвестно;
- И. Колосов — ныне здравствует (С.А.С.Ш.);
- П. Дубнитский — ныне здравствует (С.А.С.Ш.);
- Ю. Хейсканен — ныне здравствует (С.А.С.Ш.);
- М. Савитский — ныне здравствует (С.А.С.Ш.);
- А. Никошин — ныне здравствует (С.А.С.Ш.);
- В. Смирнов — ныне здравствует (С.А.С.Ш.);
- Н. Деснитский — ныне здравствует (С.А.С.Ш.).

Магнитец,

12 октября 1940 г., Шанхай